

ИМПЕРИИ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Марк Э. Люис

ОТ ЦИНЬ К ХАНЬ:
ВЕЛИКАЯ СМЕНА
ДИНАСТИЙ

Memorialis

Марк Льюис

**Империи Древнего
Китая. От Цинь к Хань.
Великая смена династий**

«Центрполиграф»

2007

УДК 929
ББК 63.3(5)

Льюис М. Э.

Империи Древнего Китая. От Цинь к Хань. Великая
смена династий / М. Э. Льюис — «Центрполиграф»,
2007 — (Memorialis)

ISBN 978-5-227-06557-5

Книга американского исследователя Марка Эдварда Льюиса посвящена истории Древнего Китая в имперский период правления могущественных династий Цинь и Хань. Историк рассказывает об особой роли императора Цинь Шихуана, объединившего в 221 г. до н. э. разрозненные земли Китая, и формировании единой нации в эпоху расцвета династии Хань. Автор анализирует географические особенности Великой Китайской равнины, повлиявшие на характер этой восточной цивилизации, рассказывает о жизни в городах и сельской местности, исследует религиозные воззрения и искусство, а также систему правосудия и семейный уклад древних китайцев. Авторитетный китаист дает всестороннюю характеристику эпохи правления династий Цинь и Хань в истории Поднебесной, когда была заложена основа могущества современного Китая.

УДК 929
ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-227-06557-5

© Льюис М. Э., 2007
© Центрполиграф, 2007

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	10
Области Древнего императорского Китая	11
Область и обычай	16
Цинь и географические пределы объединения (897-202 до н. э.)	21
Подавление местных властей (202-87 до н. э.)	24
Крупное землевладение и возрождение провинциальных амбиций (87 до н. э. – 88 н. э.)	25
Изоляция Восточной Хань (25-168)	27
Милитаризм и раскол на отдельные области (169-220)	30
Глава 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

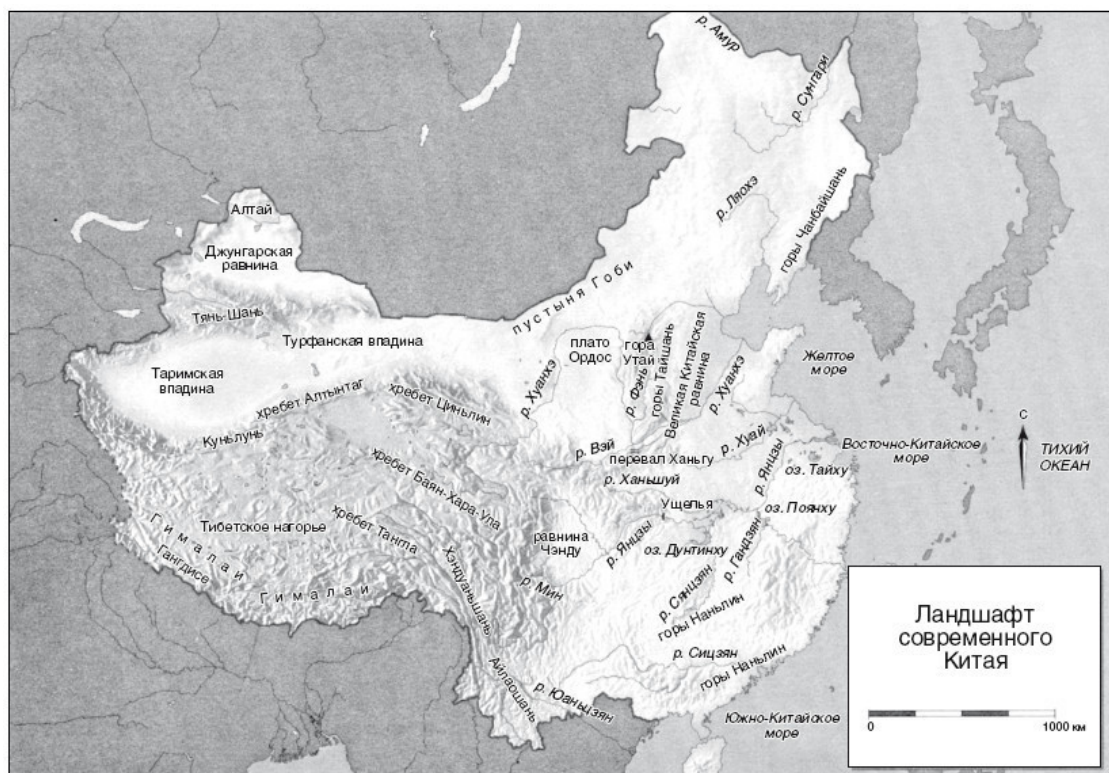
Марк Эдвард Льюис

Империи Древнего Китая. От Цинь к Хань: великая смена династий

The Early Chinese Empires: Qin and Han

Copyright © 2007 by the President and Fellows of Harvard College ©

Published by arrangement with Harvard University Press

Карта 1

Предисловие

В воображении западного обывателя история Китая всегда была неразрывно связана с понятием «империя». Но на самом деле на протяжении тысячи с лишним лет китайской истории не существовало ничего даже близко напоминающего империю. В течение многих веков на территории нынешнего Китая шесть отдельных государств боролись за военное превосходство, пока в 221 году до н. э. правитель династии Цинь не победил последнего из своих противников и не объединил страну. Военная победа, однако, представляется всего лишь эпизодом истории возникшей Китайской империи. Китайцам к тому же пришлось проявить огромную выносливость, потребовавшуюся им на протяжении длительного времени, способность к преобразованиям в периоды государственного раскола, к коренному изменению китайской традиции правителями древнейших династий – все тех же Цинь и Хань. Разумеется, потребовалось вносить изменения в структуру политических и военных учреждений. Не меньшие изменения коснулись просветительских и религиозных воззрений, родства, деревенской жизни и даже городских пейзажей.

Вместе взятые империи Цинь и Хань являют собой «классическую» эру китайской цивилизации, так же как греческое и римское государства для обывателей Запада. Как и культура греко-римского Средиземноморья, китайская культура того исторического периода отличается от культуры общественных образований, развившихся на ее основе. Но все-таки то общество, что должно было возникнуть потом, нельзя понять без уяснения первого периода объединения Китая и того, как удалось его достигнуть. В предлагаемых дальше главах автор попытается подробно исследовать пять главных черт классического периода китайской истории. Конкретно: 1) очевидные местные традиции, различия которых с помощью императорских порядков удалось преодолеть, но изжить не получилось; 2) сосредоточение политической структуры вокруг личности императора и ее укрепление; 3) взращивание грамотного класса с применением иероглифического письма и поощряемого государством литературного канона, который послужил фундаментом китайского государства; 4) разоружение населения внутренних областей империи и делегирование занятия военным ремеслом жителям приграничных районов; 5) процветание в сельской местности богатых семей, которые занимались поддержанием порядка и связали деревни с центром власти.

Определяющими особенностями Китайской империи – как, разумеется, и всех остальных империй – следует назвать ее обширную территорию и разнообразие населявших ее народов. Если сегодня все жители Китая задним числом превратились в «китайцев», то до возникновения Китайской империи народы делились по национальности на *цинь*, *ци*, *чу* или вошли в историю под названием одного из других Сражающихся царств, или в качестве жителей конкретной области (например, жители «горных перевалов»). Объединение этих групп населения империи после покорения династией Цинь с политической точки зрения произошло в III веке до н. э., однако их индивидуальные местные традиции и нравы сохранились до сих пор. Такие местные отличия в традициях и нравах не стали каким-то неудобным фактом жизни. Наоборот, они играют роль основы Китайской империи, где просто сложились своего рода иерархические различия – между всеобщей высшей культурой имперского центра и местечковыми, частными традициями областей и краев. Это фундаментальное отличие проявилось в политической службе, религии, литературе и многих других аспектах китайской жизни.

Вторым основополагающим нововведением в классическом Китае стало изобретение самой фигуры императора. Император в Китае служил не просто высшим правителем, верховным судьей и первосвященником, а самым политическим воплощением государства. Государство само исходило из его личности: все чиновники на государственной службе считались его личными слугами, и они занимали свои посты исключительно по его воле.

Государство олицетворялось императором, наряду с его свитой слуг, и без него никакого государства существовать не могло. Такой централизм проявлялся в регулирующих расходах инструкциях, возвеличивающих его личность, например создание образцов ткани, которые только он мог носить, или дороги, которыми только он один мог пользоваться. Ко всему прочему такой его статус отображался в новой городской форме под названием «столица империи», в новых культах, когда он выступал в роли привилегированного жреца и жертвователя, а также даже в новых моделях Вселенной, где он служил единственной в своем роде связью между Небесами и Землей. В такой предельно централизованной политической системе любой, кто находился в самой тесной физической близости к императору, пользовался огромной властью, применявшейся для пользы дела или во вред ему.

Третьим радикальным изменением, внесенным после победы династии Цинь, назовем всеобщее внедрение единого иероглифического письма. Посредством стандартизации письменного общения между группами населения, не владевшими обоюдно понятными языками, этим нововведением удалось связать вместе все области империи, что дало возможность учредить санкционированный государством образовательный критерий¹. В дальнейшем даже народы областей, не вошедших в состав современного Китая, – Кореи, Японии, Вьетнама, – позаимствовали значительную часть общего иероглифического письма. Общий государственный стандарт, в свою очередь, послужил основой для обеспечения императору полномочий главного толкователя и защитника ценностей, сформулированных в пределах государства, эталонов для достойных подражания личностей, внедривших в жизнь народа эти ценности, а также построивших фундамент для всеобщего просвещения и интеллектуальной жизни. В конечном счете некая общая письменная культура связала всех занятых на государственной службе чиновников и претендующих на нее кандидатов. В последующие века грамотность должна проникнуть в более низкие слои общества через китайский театр, популярную беллетристику и упрощенные руководящие инструкции.

На протяжении нескольких веков после воцарения династии Цинь происходило постепенное разоружение земледельцев и городского населения и делегирование военной службы маргинальным представителям общества. При этом случился полный отказ от сложившейся раньше у властей противоборствующих государств тенденции, привлекавших на военную службу земледельцев. В 31 году и. э. всеобщую воинскую повинность формально отменили, и ее снова ввели после свержения последней Китайской империи в 1911 году. Вместо мобилизованных земледельцев, военную службу поручили мужчинам племен отличных от китайцев национальностей, которые славились отточенными навыками ведения разнообразных форм войны, используемых на границе, а также осужденным преступникам или другим склонным к насилию представителям мирного населения, которых вывозили из внутренних районов империи в главные зоны военных действий на окраинах Китая. За счет разоружения населения внутренних областей империи пресекалось усиление местных властей, которые могли бросить вызов империи, но, с другой стороны, к тому же установился периодически возникавший порядок вещей, когда иноземные народы порабощали Китай и правили им.

Наконец, «империя» в том виде, в каком она сформировалась в Древнем Китае, требовала появления новой общественной элиты – великих семей во всех государственных сферах, способных одновременно с владением крупными земельными наделами и ведением торговли официально определять политический курс империи. Влияние таких семей на местное общество распространялось в силу их богатства, которое они вкладывали прежде всего в землю, и способности мобилизовать большого количества родственников и иждивенцев. В описываемом классическом периоде истории Китая, согласно действовавшему закону и обычаю, наследуемое имущество делили между сыновьями, и поэтому земельное богатство подвергалось постоянному дроблению. Даже большие поместья (хотя по западным стандартам крупных поместий в Китае тогда не существовало) за несколько поколений превращались во множество

мелких наделов земли. Чтобы со временем воспроизводить свое богатство, глав таких семей обязали искать источники дохода за пределами сельского хозяйства. Представители нетитулованного мелкопоместного дворянства занялись торговлей и ссудой денег в рост, но больше всего богатства приносила должность на службе императору.

Со временем влиятельные местные семьи попали в экономическую зависимость от государственной службы, позволявшей им поддерживать свое положение в обществе. А формальное образование, необходимое для получения должности на такой службе, послужило для их сыновей и внуков добротным стимулом для добросовестного освоения государственной литературной традиции. Пользуясь властью на местах и осознавая свои обязательства перед государством, мужчины этих великих семей обеспечивали первичную связь между сельскими районами и императорским двором. Они воплощали в жизнь волю императора на всей территории Китая предельно добросовестно, и никакая бюрократия, чиновников для которой хронически не хватало, никогда бы на такое не сподобилась. В периоды уже ближе к нам по мере увеличения населения империи и сокращения пропорции чиновников к подданным роль этих влиятельных семей, заселявших всю территорию империи, для государства стала еще важнее – и их главы могли выдвигать еще большие требования с точки зрения щедрот императора к ним.

На протяжении веков по мере того, как размеры империи Китая увеличивались и сокращались, эти пять черт государства и общества, появившихся во время классического периода сами собой, претерпевали постоянные изменения. Под прессом политических процессов менялись сами атрибуты и функции императора, а также божественная природа его происхождения. Содержание незыблемого критерия, его взаимоотношения с другими элементами письменной культуры, а также способы его навязывания и применения для привлечения народа на государственную службу императора тоже менялись в зависимости от появляющихся на политической арене новых декораций. Как только чужие народы завоевали Китай и объявляли новые династии, их вожди проводили реорганизацию военных учреждений государства и пересматривали отношение военных ко двору. Между тем с течением времени и от области к области великие семьи совершенствовали способы воспроизводства своего богатства, оказания местного влияния, а также пути проникновения на государственную службу. Но в той или другой форме эти особенности сохранились на протяжении двух тысячелетий истории Китайской империи, оставаясь на службе самого понятия государства и общества. И они продолжают питать китайскую политическую культуру, влияющую, в свою очередь, на современный мир.

Глава 1

Географическое описание китайской территории

География считается гуманитарной наукой, а не просто исследованием форм земли, речных путей и типов почвы. Географы исследуют сам способ формирования человеческих существ и их воздействие на свою физическую среду обитания, а также пути их взаимодействия друг с другом в пространстве. Со времен неолита народы всего мира извлекали для себя пропитание из почвы. Но китайская цивилизация в особенности известна ее связями с ландшафтом, ведь на нем сформировались многие ее основные особенности, да и он сам, начиная с эпохи палеолита, подвергся преобразованиям тяжким трудом сотен поколений китайских земледельцев. Освоение природы таким способом требует подчинения большой группы людей, через которых можно овладеть контролем над природными ресурсами и методами извлечения из них средств для поддержания жизни. Фундаментальным для самого построения империй династий Цинь и Хань и определения курса их истории считается контроль над землей и водой¹.

Области Древнего императорского Китая

Как и вся китайская история, география древних Китайских империй представляет собой повествование о многочисленных отличающихся одна от другой областях этой страны. Государство, созданное при династии Цинь, отличается от современного Китая, знакомого по нашим картам. Западная треть современного Китая (современный Синьцзян и Тибет) оставалась зарубежным миром, неизвестным правителям династии Цинь и в начале династии Хань (карта 3). Современная Внутренняя Монголия и Маньчжурия также лежали за пределами их границ, так же как и южные области современной Юньнани и Гуичжоу. Притом что современный южный сектор (Фуцзянь, Гуандун и Гуанси) находился в зоне оккупации китайскими войсками, он тоже оставался за пределами китайской культурной сферы. Китай эпохи древнейших империй и на протяжении большей части его более поздней истории располагался в бассейне междуречья Хуанхэ и Янцзы. Эта область включила все земли, почва которых была достаточно плоской и достаточно влажной, чтобы заниматься сельским хозяйством. Тем самым определились исторические пределы основного района проживания китайцев.

Карта 3

Данная область имеет несколько отличительных географических особенностей. Во-первых, территория изобилует холмами. Вследствие этого до внедрения здесь продовольственных зерновых культур, ввезенных из Америки, большая часть земель не поддавалась сельскому

зяйственной обработке. Из-за нехватки возделываемых земель возникло очень большое скопление населения в отдельных районах, достаточно удаленных друг от друга. Изоляцию таких поселений удалось преодолеть только с появлением железных дорог и воздушного сообщения. Ограниченные по площади территории пахотной земли делились на серию ключевых областей – аллювиальные равнины, прибрежные полосы и внутренние речные бассейны, разделенные высокими горными хребтами или приподнятым плоскогорьем, которые раскололи территорию основного Китая на отдельные районы с отличительными особенностями².

Римской империи было гораздо дешевле отправлять зерно или вино по всему Средиземному морю судами, чем перевозить его по суше гужевым транспортом хотя бы на 160 километров. Лишенные водных транспортных путей районы Римской империи выпадали из общей средиземноморской хозяйственной структуры. То же самое можно сказать о хозяйстве Китая. До строительства в XIX веке железных дорог доставка зерна больше чем на 160 километров с помощью вьючных животных обходилась дороже, чем производство того же самого зерна. За исключением предметов роскоши, таких как специи, шелка или драгоценные камни, сбыт небольшого количества которых обещал большие барыши, перевозка остальных товаров по суше существовавшими тогда видами транспорта представлялась делом предельно затратным. А в отсутствие удобных естественных гаваней на севере Китая прибрежная торговля вверх и вниз по морю оставалась невыгодной. В результате практически вся оптовая торговля осуществлялась по внутренним водным путям. Но даже у такого вида транспорта обозначились свои пределы. Обе главные водные артерии – реки Хуанхэ и Янцзы – протекают с запада на восток, а судоходные водные связи между ними отсутствуют. Никаких естественных транспортных путей, пересекающих Китай с севера на юг, не существует.

Реки размывают горную породу и почву на западном высокогорье и несут лёсс вниз на равнины, где он оседает в руслах в виде ила. Стремительные воды Хуанхэ выносят из горных теснин огромные объемы плодородной почвы. В большинстве рек мира содержание ила в пределах 5 процентов считается высоким, а река Хуанхэ известна тем, что несет его целых 46 процентов, а один из ее притоков – даже 63 процента. Из-за такой громадной концентрации ила вода в Хуанхэ выглядит мутной, и по цвету воды данную реку называли Желтой рекой. На протяжении последних 800 километров ее течения никаких крупных притоков в Хуанхэ не впадает, поэтому оно замедляется, а содержащийся в воде ил выпадает в виде осадка.

Со временем дно реки постепенно повышалось, и она выходила из своих берегов. В целях предотвращения наводнений возводили дамбы, которые становились все выше, и теперь в некоторых местах Хуанхэ течет на уровне, превышающем уровень окружающей сельской местности. Сегодня на протяжении без малого 2 тысяч километров русло Хуанхэ поднято над равниной на 10 метров. Однако дамбы не спасали от заиливания, и наводнения продолжали случаться в еще большем масштабе. На протяжении истории императорского Китая паводковые воды Хуанхэ вырывались из дамб больше полутора тысяч раз, уничтожая посевы, неся гибель сельским жителям, из-за чего эта река заслужила название «скорбь Китая».

При императорах династий Цинь и Хань Хуанхэ служила ядром китайской цивилизации, родиной около 90 процентов населения империй Цинь и Хань (карта 4). Горами и холмами территория этих империй делилась на северо-западную область (современная провинция Ганьсу и северная часть Шэньси), центральное лёссовое высокогорье (современная провинция Шэньси, Шаньси и западная часть Хэнани) и аллювиальную пойму (современная провинция Хэнань, южная часть провинции Хэбэй, Шаньдун, северная часть Аньхой и северная часть Цзянсу). Бассейн реки Янцзы, в этот период все еще служивший пограничным районом, также по естественным рубежам делился на три области: окруженный горными хребтами бассейн реки Минь (современная провинция Сычуань), среднее течение Янцзы (провинции Хубэй, Хунань и Цзянси) и нижнее течение Янцзы (провинция Чжэцзян, южные районы Аньхой и Цзянсу).

Переносимый в долину Хуанхэ из центральной горной местности (эолийский) лёсс легко поддавался деревянным палкам-копалкам. Капиллярность этой однородной, рыхлой (легко распадающейся) и пористой почвы обеспечивала достаточно влаги, чтобы выращивать обычные для данной местности зерновые культуры, такие как просо и пшеница. Годовое выпадение дождевых осадков теперь составляет в среднем всего 25—50 миллиметров (хотя этот показатель влажности, возможно, был немного больше во время циньского завоевания). Из-за такого сухого климата почва в этом районе не подвергалась выщелачиванию дождями и осталась очень плодородной и щелочной. В результате подсыпки лёсса на насыпи, сооруженной на протяжении всего русла реки, получалось дополнительное преимущество, заключавшееся в обеспечении относительной безопасности от наводнения.

Карта 4

1 — Чанъань; 2 — перевал Юймынь; 3 — Дуньхуань; 4 — Цзюцюань; 5 — Чжань; 6 — Увэй; 7 — Шофан; 8 — Уюань; 9 — Шангу; 10 — Ляодун; 11 — Сюаньту; 12 — Лэлан; 13 — Линьдунь; 14 — Луней; 15 — Тяньпуй; 16 — Аньдин; 17 — Бэйди; 18 — Шан; 19 — Сихэ; 20 — Ханьдань; 21 — Линьцзы; 22 — Тайшань; 23 — Динтао; 24 — Чэньлю; 25 — Хэнэй; 26 — Хэнань (Лоян); 27 — перевал Ханьгу; 28 — Хэдун; 29 — перевал У; 30 — Ханьчжоу; 31 — Наньбин; 32 — Инчуань; 33 — Жунань; 34 — Цзючжан; 35 — Гуанлин; 36 — Гуйцзи; 37 —

Пэнчэн; 38 — Даньян; 39 — Юйчжан (Наньчан); 40 — Гуанхань; 41 — Шу (Чэнду); 42 — Ба; 43 — Нань (Цзянлин); 44 — Улин; 45 — Линлин; 46 — Гуйян; 47 — Наньхай; 48 — Цану; 49 — Цзяочжи; 50 — Цзючжэнь

На просторной равнине, лежащей на востоке, плодородную почву, наоборот, приносила река. При большей плодородности, чем лёсс, эта осадочная почва в большей мере подвергалась наводнениям и засолению. Дождевые осадки выпадали в соответствии с измененными муссонными явлениями, причем приблизительно 70 процентов их приходились на август, а весной и в начале лета осадки можно назвать совсем несущественными. Как раз на пике вегетационного периода, когда потребность в воде больше всего, несмотря на приток влаги от тающего в западных горах снега, когда уровень Хуанхэ падает до весьма низкого значения, обводнение полей за счет реки становится невозможным. Земледельцы находились в зависимости от воды из колодцев, принадлежавших богатым семьям, хотя и вырытым небольшими группами селян. Разветвленную систему дамб, с другой стороны, поддерживали в исправном состоянии за счет императорского государства. Как нам предстоит убедиться, это сочетание масштабной финансируемой правительством системы предотвращения наводнений и местной, семейной ирригационной системы лежало в основе политической экономии Северного Китая.

В отличие от насыпей принесенного из верховья Хуанхэ лёсса и аллювиальной равнины бассейна этой реки над ландшафтом от Янцзы на юг доминируют высокие горы и вздыбленные холмы. Сельскохозяйственная деятельность здесь возможна только в низинах речных долин, их дельтах и на заболоченных просторах. Главную естественную угрозу на юге представляла отнюдь не засуха или наводнение, а чрезмерная влажность, из-за которой низменности превращались в слишком заболоченные для хозяйственной деятельности области. К тому же они служили благодатными рассадниками болезней. В письменных источниках, относящихся к тысячелетию от периода Хань до династии Тан, этот юг описан как область болот и джунглей, болезней и ядовитых растений, диких животных и еще более диких, покрытых татуировками племенных обитателей. Даже эти южные области, которые поглотил китайский мир во времена царства Чжоу, все еще рассматривались как культурно чуждые и не совсем цивилизованные в период Сражающихся царств и империи Цинь. Юг стал местом ссылки, откуда многим попавшим в немилость чиновникам так и не удалось возвратиться.

Такое радикальное местное разделение в V веке до н. э. определило географическую привязку Сражающихся царств. В области лёссового высокогорья к западу от перевала Хань-гу (по существу, в долине реки Вэй) сформировалось ядро государства Цинь, территория которого расширилась с включением бассейна реки Минь провинции Сычуань.

На противоположную оконечность долины Хуанхэ в заливной пойме с наносной почвой распространялась власть царства Ци. Расположенную между этими двумя державами центральную высокогорную лёссовую местность и западные части аллювиальной равнины делили между собой наследники династии Цинь: правители Хань, Вэй и Чжао. На юге в средней части Янцзы возникло ядро царства Чу, а ниже по течению Янцзы расположились царства У и Юэ, которые после краткого притязания на господство оказались поглощенными тем же царством Чу (карта 5)³. Таким образом, разделение Китая на отдельные области с их отличительными чертами, определенное физическим рельефом территории, передалось в культурную сферу в форме государств и приобретенных особенностей их народов.

По мнению первого знаменитого историка династии Хань по имени Сыма Цянь (ок. 145—86 до н. э.), единая империя периода Цинь—Хань унаследовала эти области, в центре каждой из которых находился свой главный город⁴. Самой важной областью считалась территория вокруг столицы династии Цинь города Синьян (а позже соседнего города династии Хань — Чанъань). Эта область, расположенная в долине реки Вэй, выходила на коридор Ганьсу и

Среднюю Азию на северо-западе, на Сычуань на юге и к центральной равнине долины реки Хуанхэ на востоке.

Карта 5

Вторая знаменитая область с центром в старинной столице царства Ци городе Линьцзы располагалась в пойме реки Хуанхэ (территория современной провинции Шаньдун). Центром области Сычуань был город Чэнду, а его граница пролегла по горным хребтам долины реки Минь. В своих хрониках Сыма Цянь разделил срединное и нижнее течение Янцзы на три области с центрами в Цзяньлине, У и Шоучуне, но они не были достаточно обихожены, и в экономическом плане, вероятно, их следовало бы считать единой областью. Можно было бы также говорить об области Линнань, приблизительно охватывающей современную провинцию Гуандун и Северный Вьетнам. Но, кроме больших портов Паньюй (Кантон) и Ляньлоу (Ханой), эта остающаяся дикая территория джунглей лишь относительно связана со структурой Китайской империи.

Область и обычай

Царство Чжоу, просуществовавшее приблизительно с 1140 до 236 года до н. э. (дольше всех остальных царств в китайской истории), находилось под властью аристократии, разделявшей по большому счету общую традицию. Местные отклонения от их традиции эти аристократы считали признаками принадлежности к низшим сословиям общества. Точно так же завоеватели династии Цинь видели в представителях областей, считавшихся носителями отличительных обычаев, противников проекта единообразия. Однако в контексте этой в основном отрицательной риторики со стороны представителей Чжоу и Цинь можно разоблачить следы отличительных местных традиций, лежавших в основе раздробленности Китая периода Сражающихся царств.

На протяжении всего этого бурного периода истории источником напряженности служили стремление к объединению и реально существующие местные отличия. Очевидность такого противоречия лучше всего выразил автор трактата *Дани Юя* (Юй-гун), вероятно составленного в середине периода Сражающихся царств (IV в. до н. э.). В этом наброске картины всего известного тогда мира Китай разделен на девять областей, каждая из которых отмечена совершенно определенным характером ее народа и предметов труда, описанных в подробностях. Главной темой труда можно назвать то, как эти девять областей объединились в одно государство усилиями странствующего мудреца Юя и отправкой из каждой области в столицу в качестве дани единственных в своем роде изделий. Таким образом, территориальную разобщенность из-за естественных рубежей в виде гор и рек, материализованную в форме местных изделий и обычаев, удалось преодолеть волей личности правителя, притянувшего к себе ее разнообразное, толково налаженное производство⁵.

В поздний период Сражающихся царств рассуждения по поводу местных различий принимали несколько вариантов единой формы. Авторы трактатов на военные темы обсуждали местные традиции с точки зрения боевых преимуществ войска каждого из царств. Другие тексты составлялись в манере древнего трактата *Дани Юя*, то есть в качестве материальных показателей местных особенностей приводили лучшие изделия местных кустарей. Между тем различные области с их обычаями отличали и традиции политической прозорливости правящей элиты с ее административными методами, формировавшимися в условиях радикальных правовых реформ, навязываемых императорской властью. В период правления династии Хань эта традиция должна была развиться в забитый штамп для желающих подвергнуть критике даже циньское право как примитивное производное от местного обычая, естественного как фрукты и изделия кустарного промысла.

Ключевым текстом на военную тему с точки зрения местных обычаев считается «Оценка противника» в трактате по военному искусству периода Сражающихся царств «Законы войны почтенного У» (*У-цзы бин-фа*, сокращенно *У-цзы*). В ответ на вопрос вэйского князя Вэньхоу о том, как справиться с шестью враждебными державами, окружавшими его, *У-цзы* дает характеристику каждому царству по заранее установленному набору параметров: происхождение или особенности их народа, их земля или территория, их государственная политика, поведение их войск и способ разгрома. Автор дает подробное толкование связи между ландшафтом, характером и властью каждой области:

«Представители династии Цинь – народ по природе стойкий. Территория их царства характеризуется сложным ландшафтом. Жестокость его правительства всем известна. В надежности его вознаграждений и неизбежности наказаний сомневаться не приходится. Их народ не привык уступать, он всегда единодушно проявляет воинственность. Поэтому они рассредоточиваются и сражаются поодиночке. Перед нападением на такой народ его сначала нужно соблазнить вознаграждением и увести прочь. Их командиры – люди жадные до наживы, гото-

вые ради нее бросить своих полководцев. Пользуйтесь моментом, когда они бросают своих полководцев, чтобы напасть на них, пока они действуют разрозненно, устраивайте засады и не упускайте такой решающий шанс, тогда можно рассчитывать на пленение их полководцев.

Представители династии Чу – народ по природе хлипкий. Их царство расположено на просторной территории. Их правительство к порядку не приучено. Народ этого царства изнемогает под гнетом властей. Поэтому ратники не могут долгое время поддерживать боевое построение. Нападение на них следует наносить так, чтобы одним ударом вызвать беспорядок в их лагере. Первым делом следует подорвать их дух проворными наскоками со стремительными отходами. Доведите их до крайней усталости и изнеможения. Не ввязывайтесь в настоящее сражение, и вы добьетесь полного разгрома их войска»⁶.

При такой трактовке дела получается так, что сложность ландшафта царства Цинь служит закаливанию упорного характера его народа, которому, в свою очередь, требуется суровое правительство, способное на чрезвычайно щедрые вознаграждения и предельно суровые наказания. Ландшафт царства Чу, наоборот, просторный, открытый и щедро обводненный. Эти все отличия проявляются в слабости характера и беспечности правительства, которое изводит свой народ собственной бестолковостью. Войско, состоящее из таких мужчин, не может долгое время оставаться монолитным организмом. *У-цзы* подвергает подобному анализу все остальные царства.

Похожие идеи изложены и в одном из разделов, посвященном военному делу, конфуцианского философского трактата III века до н. э. философа Сюнь-цзы. В нем говорится только о ведущих военных державах Ци, Вэй и Цинь. Как и у автора *У-цзы*, в данном тексте упор делается на том, как сложность ландшафта царства Цинь породила упорных, крепких мужчин, которыми можно править только с помощью щедрых вознаграждений и строгого спроса за проступки. Однако Сюнь-цзы дает более тонкую характеристику пространственной ограниченности и топографической изоляции царства Цинь, и эти особенности рельефно выделяются при критической оценке царства Хань: «Что касается народа царства Цинь, [земля], с которой они кормятся, пролегает узкой и пересеченной полосой, позволяющей осуществлять над этим народом плотный и жесткий контроль. Он стеснен географическими условиями и изолирован от соседей. Методами поощрения и наказания его приучили [к прислуживанию]»⁷.

Дальше Сюнь-цзы утверждает, будто войска этих Сражающихся царств не выдерживают никакого сравнения с войсками мудрых основателей более древних династий Шан и Чжоу, даже притом, что те старинные войска были малочисленными и с примитивным вооружением. Все объясняется тем, что местные войска, сражавшиеся по нормам местных традиций, якобы далеко не дотягивали до идеализированного всепобеждающего авторитета, опиравшегося на совершенный обряд и нравственный оплот. Этот авторитет стоит выше традиции потому, что возникает из писаной и обрядовой программы классической традиции. Сюнь-цзы вторит *У-цзы* практически по всем аспектам, за исключением того, что моральный авторитет умудренного мужа, а не стратегические навыки командующего является силой, которая определяет действия воинов в пределах их местных традиций.

Само выведение характера народа с учетом физической окружающей среды к тому же появляется в текстах, содержащих объяснение различия между китайцами и их соседями на севере и юге. В этих текстах севером обозначается сфера крайнего отклонения инь (тенивая, темная и холодная сути бытия), а югом – ян (яркий, солнечный и горячий его предел). Из таких отличий вытекают характерные признаки внешности и традиций народов в этих регионах. Соответствующим аргументом в одном тексте I века описывается юг как зона недуга и гибели с последующим расширением его заразной атмосферы и охватом человеческой природы и поведения: «В раскаленном безжалостным солнцем воздухе постоянно образуется яд. Воздух здесь горячий. Живущий на территории такого солнца народ пропитался ядом. Рты и языки этих буйных людей наполняются ядовитой слюной. Таким образом, обитатели царств

Чу и Юэ [средний и нижний участок Янцзы] люди буйные и страстные. Когда они беседуют с другими людьми, на собеседников летят капли их слюны, жилы у них начинают вздвигаться и болеть. В жарком климате располагаются южные округа. Когда живущие там люди проклинаят дерево, оно увядает, а когда они плюют на птицу, она падает замертво».

Подобные упоминания буйного и порывистого нрава южан встречаются в некоторых других древних трактатах, а указание на «пагубные слова» определенных людей появляется в циньских правовых документах⁸.

О том, что многочисленные местные особенности можно сгладить только лишь с помощью подчинения единому государству, речь идет в обоих древних трактатах – *Юй-гун* и *Сюнь-цзы*. Описав изделия, которыми отличается каждая область, автор *Сюнь-цзы* утверждал, что заслугу в деле организации производства всех местных товаров следует присвоить образуящему государству княжеству или личности правителя: «В северной области обитают резвые лошади и громкоголосые собаки, но приобретают, выращивают и распоряжаются ими жители центральных княжеств. В южной области добывают перо, пух, бивни слона, шкуру носорога, медь и киноварь; но приобретают их власти центральных княжеств, и они же обращают эти товары в богатство. В восточной области существуют артели по изготовлению пурпурного пигмента, белых шелков, по ловле рыбы и заготовке соли; а приобретают их, носят или употребляют в пищу жители центральных княжеств. В западной области выделывают кожи, шкуры и узорчатые хвосты яков; а приобретают и применяют их жители центральных княжеств»⁹.

Такую географическую конфигурацию древние мудрецы перенесли на империю династии Хань. Ее самое четкое описание находится в трактате Сыма Цяня под названием *Ши-цзи* («Исторические записки»), считающемся самым подробным историческим очерком по Китаю, составленном приблизительно в 90 году до н. э. В разделе, посвященном знаменитым купцам и ремесленникам, Сыма Цянь утверждает, что представители династии Хань объединили китайский мир, наладили между областями торговлю и сообщение, а также перевезли прежние правящие дома и пользующиеся влиянием на местах семьи в свою столицу. Затем он делит Китай на ряд областей, отождествленных с прежними Сражающимися царствами, и описывает каждую из них с точки зрения ее местоположения, отличительных ремесленных изделий и характерного нрава или поведения их народов: «Граница между княжествами Цзоу и Лу проходит по рекам реками Чжу и Сы. Они все еще подвергаются затянувшемуся влиянию со стороны боцзюэ Чжоу, поэтому по привычке восхищаются классиками и во всех делах следуют обряду. Вследствие этого их подданные отличаются взыскательностью и точностью. Они располагают крупными шелководческими предприятиями [разведение тутового шелкопряда] и производством пеньки, зато не получают никакого дохода от лесов или заболоченных территорий. Территория у них небольшая, зато густонаселенная, поэтому народ здесь привык к очень скромной жизни. Они порицают преступников и избегают общения с носителями ереси. С закатом их царства, однако, они страстно увлеклись торговлей и погоней за барышом, причем в этом деле превзошли мужчин из Чжоу»¹⁰.

В трактате Сыма Цяня развивается тема того, что объединенное государство направляет и организует области, отмеченные присущими только им изделиями и обычаями. Однако он предлагает несколько значительных нововведений.

Во-первых, центральное место в представлении Сыма Цяня отводится обычаям и нравам народа. Товары и обмен ими он тоже упомянул, но внимание свое автор трактата сосредоточивает на отличительных эмоциях и поведении людей. Во-вторых, он отождествляет описываемые области с древними Сражающимися царствами. Причем здесь династия Хань с ее объединенной империей играет роль, отводимую автором *Сунь-цзы* мудрому правителю, и области называются когда-то считавшимися независимыми государствами, включенными в состав империи. Местный обычай тем самым отождествляется с периодом большого политиче-

ского и культурного раздора. Такого рода отождествление оказалось настолько убедительным, что ученый древней Западной Хань по имени Цзя И (201—169 до н. э.) назвал государства, объединившиеся против Циней, «носителями иных обычаев», а когда Сыма Цянь разделил царство Чу на три отдельные области, он именовал их «носителями обычаев трех видов»¹¹.

Апологеты единства считали местные обычаи знаками интеллектуальной ограниченности и отсутствия эстетической утонченности. С философской точки зрения в обычаях воплотились недочеты общепринятых суждений, на фоне которых проявились интеллектуальные традиции династий Цинь и Хань. С политической точки зрения существование обычая считалось явлением второстепенным и подчиненным. Местные традиции объявлялись уделом людей неполноценных и ограниченных, а им противопоставлялась книжная, всеобъемлющая просвещенность китайского мудреца.

«Сыновья ремесленников и плотников всегда продолжают дело своих отцов, а всем жителям городов и сельской местности уютно и привычно жить по своим собственным традициям. Житель княжества Чу приобретает отличительные черты подданного Чу; житель княжества Юэ приобретает отличительные черты подданного Юэ; житель княжества Ся [центральные китайские княжества] приобретает отличительные черты подданного Ся. Эти черты считаются не врожденными, а приобретаемыми по мере их накопления и совершенствования. Таким образом, если человек в состоянии тщательно сосредоточиться на своих действиях, старательно избегать привыкания к обычаям, целенаправленно накапливать в себе и совершенствовать необходимые черты, тогда у него получится стать воспитанным порядочным мужчиной»¹².

В таком классе географии обычные люди связаны властью обычая, и они владеют только лишь унаследованными профессиями своей родной земли. Простолюдины занимают в обществе положение ниже ученых мужей, а сельские жители стоят ниже придворных, и только один лишь мудрый правитель действительно свободен благодаря своей всеобъемлющей мудрости.

«Встроенные намертво в свою непосредственную физическую среду» простолюдины и сельские жители становятся одержимыми материальными предметами. В отличие от стоящего выше его представителя общества, «заставляющего вещи служить ему», человек маленький «вынужден прислуживать вещам». Как сказано в трактате «Вёсны и осени господина Люя» (*Люши чунь цю*), составление энциклопедического текста которого заказал главный министр Цинь как раз перед объединением царства: «Тот, кто числится сюзереном над народом и желает, чтобы ему подчинялись заморские земли, должен в высшей степени сократить пользование вещами и ни во что не ставить мелкую выгоду. Освободив свои чувства от влияния обычая, он может на свой век установить должный порядок». Этим высоким устремлением оправдалось завоевание Цинями остальных Сражающихся царств, которые, согласно надписям на камне, составленным для первого китайского императора, потребовали «контроля», а затем и «очистительной процедуры для обычаев»¹³.

Летописцы династий Цинь и Хань тем самым адаптировали критику обычая, развернутую их философами, чтобы сформулировать пространственную теорию территориальных приобретений, согласно которой правительства Сражающихся царств распускались как атавизмы локальной местной культуры. Все, что считалось признаками достойного правления в эпоху соперничавших государств, теперь называлось проявлениями пристрастности, невежества и алчности. Вместо них императорские творцы предложили стандарт, основанный на книжном благоразумии мудрецов, которые отрицали топографию и выходили за пределы ограниченных территорий.

Притом что правители империй Цинь и Хань таким манером утверждали, что поднялись над географией и обычаем, сама история этого периода определялась смещением политического равновесия между областями и колебаниями в отношениях имперского правительства с территорией, на управление которой оно претендовало. Остающиеся разделы настоящей главы

будут посвящены общему описанию упомянутых выше изменений и колебаний, а в деталях коснемся их уже в последующих главах¹⁴.

Цинь и географические пределы объединения (897-202 до н. э.)

Ядро китайской цивилизации в пределах долины реки Хуанхэ делилось на область к востоку от перевала Ханьгу (Гуань-дун), а также область «внутри проходов» (Гуаньчжун) к западу от перевала Ханьгу и к югу от перевала Тун. Власти династии Цинь контролировали Гуаньчжун, а в середине периода Сражающихся царств к тому же оккупировали бассейн Сычуани. Таким образом, триумф области Гуаньчжун над Гуаньдуном и бассейном реки Янцзы отмечен завоеванием Цинями прочих Сражающихся царств, завершившимся в 221 году до н. э. Первые полтора века китайской имперской истории прошли под знаком этого свершившегося факта. В Гуаньчжуне, как протяженной пограничной области, состоящей из лёссовых высокогорий, гор и долин двух рек, при династии Цинь, когда шли войны с враждебными народами на ее севере и западе, а позже и на востоке, сложились мощные военные традиции. Эти традиции до сих пор еще признаются в ханьском популярном высказывании о том, что, мол, «Гуаньчжун поставляет генералов, в то время как Гуаньдун производит министров».

Область Гуаньдун на самом деле прославилась тем, что здесь оттачивалось искусство государственного управления и литературное ремесло выдающихся деятелей Китая. Все основные китайские философские традиции зародились на востоке, который остался центром книжного обучения. Эта область к тому же стала демографическим центром империи.

К концу периода Западной Хань здесь расплодилось полдюжины округов с населением больше полутора миллионов человек, а в это же время в трех соседних со столицей округах насчитывалось всего лишь по миллиону жителей в каждом. Из дюжины самых больших городов империи, за вычетом старой столицы и Чэнду, все остальные крупнейшие населенные пункты находились на востоке. Данная область числилась самой плодородной в империи с точки зрения ведения сельского хозяйства, а также центром ремесленного производства. Это подтверждается тем фактом, что восемь из десяти государственных ремесленных контор находились именно там.

Представлявшая меньшую важность, чем Гуаньчжун или Гуаньдун, область бассейна реки Янцзы обладала богатой историей и культурой, унаследованной от древнего царства Чу. В периоды позднего Чжоу и Сражающихся царств государство Чу находилось в сфере китайского культурного господства, но отличалось собственными традициями в искусстве, литературе и религии. Само восприятие царства Чу как обособленной сферы обозначено замечанием расстроенного советника Сян Юя в лице чуского полководца, который в конечном счете свергнет Циней: этот советник «услышал, что людей из Чу называли всего лишь обезьянами в человеческих одеждах». В преданиях, посвященных особенностям районов с жарким климатом, населенных вспыльчивыми людьми, отмечается склонность народа Чу к насилию по малейшему поводу. Вразрез со всеми существующими стереотипами ханьский имперский дом возник в царстве Чу, и вкусы двора Западной Хань в одежде, музыке и поэзии пришли из традиции этой южной земли¹⁵.

Изначально в 897 году до н. э. образованное как мелкая вассальная территория, предназначенная для разведения лошадей в интересах августейшего дома Чжоу, княжество Цинь в следующие пару веков разрослось до самого края бассейна Хуанхэ. Так как все это происходило далеко на западе, с запада или юга Циням не угрожали никакие организованные противники, и к тому же их интересам служили естественные заграждения. В начале периода Западная Хань Цзя И отметил такое благоприятное географическое положение: «Территория Цинь ограждена от опасностей высокими горами и опоясана рекой Хуанхэ, и тем самым это царство защищено со всех сторон»¹⁶.

Первое вооруженное вторжение Циней в центральные области Китая случилось в 672 году до н. э. Но только после того как в IV веке до н. э. они укрепили свое положение на западе через покорение соседних племен, правители Цинь начинают откровенно выступать среди Сражающихся царств в качестве политических соперников. На протяжении последующих полутора столетий Цини разгромили всех своих противников. В административном отношении их новая империя состояла из 36 округов, в свою очередь делившихся на тысячу с лишним уездов. Таким путем по всему китайскому миру Цини установили свое прямое правление на всех своих вновь обретенных территориях¹⁷.

Окончательный военный и политический успех Циней основывался на аграрных реформах, провозглашенных в середине IV века до н. э. главой правительства Шан Яном. Начиная с 350 года до н. э. циньское правительство формально признало право собственности отдельных семей земледельцев на землю, а также их право купить и продать земельный надел. Одновременно началось поощрение переселения семей из княжеств с избыточным населением на востоке в малонаселенное княжество Цинь. В обмен на признание частной собственности на землю земледельцев обязали платить налоги и предоставлять государству услуги, прежде всего нести воинскую повинность. Центральный район княжества Цинь в долине реки Вэй поделили тропами и обводнительными канавами на одинаковые участки земли, которые намечалось предоставлять в качестве вознаграждения или поощрения за проявление лояльности правительству. Такое преобразование структуры пахотных земель княжества Цинь и привязка его народа к той структуре легло в основание укрепления авторитета всего государства.

Тогдашняя реформа землевладения сопровождалась делением государства на территории, управляемые чиновниками, назначаемыми верховным правителем. Власть двора в сельской местности в результате укрепились, а влияние держателей наследуемых земельных владений ослабело. Система административных районов под управлением назначаемых двором сановников внедрялась в государствах – преемниках Цинь, у которого Шан Ян позаимствовал данное учреждение, но в княжестве Цинь его внедрили с большей системностью, чем у соседей.

Несмотря на эти успехи, некоторые наследственные вотчины в конце III века при династии Цинь все еще раздавались в виде вознаграждения. Когда сановники жаловались первому императору династии Цинь на то, что он скупно награждал вотчинами и не раздавал их собственным сыновьям или заслуженным министрам по примеру царей династии Чжоу, канцлер Ли Сы отверг такие жалобы. Он указал на то, что получившие вотчины по наследству потомки предыдущей династии Чжоу в конечном счете выступили против своего царя и друг против друга, из-за чего случился распад царства на части. Новая империя не будет включать никаких царств, так как управление ею будет осуществляться с помощью назначаемых императором вельмож.

Одновременно с пересмотром административного деления своих собственных территорий в империи Цинь открыли новые области для землепользования. Произошло покорение народов Шу и Ба, заселявших территорию нынешней Сычуани, и на равнине Чэнду началось сооружение обводнительных сетей, превративших ее в плодородную область. Те древние ирригационные системы все еще используются в наши дни. Канал, прокладку которого в 246 году до н. э. начал Чжэн Го, использовали для обводнения солончаков центрального района Шаньси. Притом что этот канал верхом инженерных достижений по принятым позже стандартам назвать нельзя, ведь его длина едва составляла 30 километров, он все равно послужил крупным вкладом в преумножение богатства династии Цинь: «С его появлением земли в пределах проходов превратились в плодородную равнину, и о голодных годах речи больше уже не шло. Тем самым династии Цинь пришлось богатство и влияние, позволившее окончательно покорить крупных землевладельцев». Автор данного суждения сосредоточил свое внимание на единственной причине, однако его акцент на решающей роли совершенствования способов распоряжения водными ресурсами империи Цинь видится беспорным¹⁸.

Административная однородность, внедренная Цинями, скрывала факт того, что их империя оставалась государственным образованием, в котором одно княжество правило остальными при совершенно очевидном делении на Цинь и их недавно покоренных соперников. Быстрое попадание Цинь в подчинение мятежного царства Чу в 206 году до н. э., спустя всего лишь пятнадцать лет после покорения последнего из Сражающихся царств, тут же вызвало споры о действительной возможности существования единой империи, поглотившей соседние государства. Крах Цинь снова вызвал активные разговоры о необходимости делегирования части политических полномочий на места. С такой мыслью уже было смирился последний правитель династии Цинь, который в 207 году до н. э. объявил себя одним из царей среди равных, отказавшись от власти императора, чтобы как-то сохранить то немногое, что еще оставалось от его ускользающей власти. Царствование его, однако, было недолгим, и год спустя один из главных мятежников по имени Сян Юй предал его смерти.

Но так случилось, что Сян Юй придерживался точно такого же взгляда на восстановление конфедерации княжеств по образу и подобию Восточного Чжоу. Провозгласив себя царем Чу, он попытался разделить остальную часть империи на восемнадцать княжеств, управляемых с помощью свободно висящих вожжей его власти. Эти княжества он раздал своим воеводам и соперникам, которых рассчитывал тем самым усмирить. Одним из таких соперников был Лю Баи, которого Сян Юй назначил правителем княжества в долине реки Хань, образованного после дробления княжества Цинь на три части. Так вот, известный как царь Хань, этот Лю Баи выступил против Сян Юя, разгромил его и образовал династию Хань.

В отличие от Сян Юя князь Лю Баи (позже названный императором Хань Гаоцзу, правившим в 202—195 годах до н. э.) основал государство по образцу империи, в котором по большому счету внедрялись учреждения династии Цинь. Но он все-таки пошел на известные уступки властных полномочий местным преданным ему вассалам, а также осознал необходимость вознаграждения своих доказавших преданность союзников. Столицей своей он объявил город Лоян, но очень скоро признал географические преимущества княжества Цинь и перевел столицу в новый город Чанъань, располагавшийся на противоположном берегу реки Вэй к югу от прежней столицы династии Цинь. Одновременно с внедрением упрощенного варианта государственных учреждений империи Цинь в западной половине империи он разделил более густонаселенный восток и долину Янцзы на десять княжеств, которыми наградил своих надежнейших последователей. Чтобы отделить императорскую сферу государств на востоке, пришлось принимать специальные законы. Однако через шесть лет Га-оцзу исхитрился поменять всех, кроме одного, князей своими собственными братьями или сыновьями, и тем самым закрепил принцип того, что «все под Небесами относится к сфере рода Лю».

Тем не менее административный раздел между Гуаньчжуном и остальной частью империи остался на прежнем месте. Это было закреплено в полном наборе нормативных актов, включающих запрет на вывоз лошадей из Гуаньчжуна (чтобы ослабить военную угрозу со стороны княжеств на востоке), оговорку о том, что любой, кто служил при дворе царей, не мог служить при центральном императорском дворе, а также требование проездных документов, выдаваемых государством всем путникам, следующим через пропускные пункты¹⁹. Короче говоря, в структуре раннего Ханьского государства сохранилось, пусть в измененной форме, доминирование области Гуаньчжуна над остальной частью империи.

Подавление местных властей (202-87 до н. э.)

Пожалование княжеств родственникам императора все еще представляло угрозы, о которых предупреждал Ли Сы, и в свое время несколько владетлей княжеств начали отходить от имперского центра. Кое-кто из князей даже грозил сформировать союз с кочевниками, обитавшими к северу от границы царства Хань. Чтобы противостоять этим угрозам, третий и четвертый императоры династии Хань – Вэнь (правил в 179—157 годах до н. э.) и Цзин (правил в 156—141 годах до н. э.) – для ослабления власти мятежных князей применяли четыре способа.

Во-первых, когда умирал правитель крупного княжества, его земли делили между детьми усопшего или между другими родственниками Лю. Так, княжество Ци за сорок лет после его основания поделили на шесть княжеств поменьше. Во-вторых, если князь не оставил наследников, то его княжество возвращалось в непосредственное распоряжение императора.

В-третьих, часть территории нескольких правителей конфисковали в качестве наказания за предполагаемые преступления. Наконец, сановники имперского двора упраздняли княжества мятежников, будь то предполагаемые или настоящие. Например, когда князя Хуайнани обвинили в попытке заговора (на основе обвинения, сделанного под пыткой бывшим вассалом), его отправили в ссылку, где он покончил с собой, а его вотчину поделили между лояльными князьями. Такие систематические нападки на власть вассалов императора в 154 году до н. э. привели к восстанию, когда князь У возглавил союз семи князей, выступивших против двора Хань. Подавление этого мятежа повлекло волну конфискаций и дроблений вотчин, смывшую политическую угрозу со стороны вассальных государств.

При императоре У (правил в 140—87 годах до н. э.) внутренние области Китая находились под надежным его контролем, поэтому он сосредоточил свое внимание на сопредельных территориях. С 134 по 119 год до н. э. главной его заботой было ведение войны с великой кочевой империей Хунну, под властью которой находились земли к северу и северо-западу от империи Хань. В поисках союзников в 138 году до н. э. отправили Чжан Цяня, которому поручили договориться с вождями кочевого народа юэчжей, враждовавших с хунну. Взятый в плен хунну и проведший в неволе больше десяти лет, Чжан Цянь получил возможность познакомиться с городами-государствами северо-восточной Центральной Азии (современного Синьцзяна), в которых обитали представители индоевропейских народов, существовавших за счет торговли и поливного сельского хозяйства. В последующие десятилетия между этими городами-государствами и империей Хань возникли многочисленные экономические, политические и культурные связи.

Как раз в тот период истории, когда войска Хань двинулись на юг, юго-запад, в Корею и в восточную Среднюю Азию, территория Китайской империи с 84 округами и 18 княжествами достигла своего самого большого размера. Северный Китай, по большому счету, не подвергался разорительным набегам кочевников, а с расширением империи в сторону восточной Средней Азии удалось приобрести новые кормовые культуры, такие как клевер, гранаты и виноград, а также узнать новые стили музыки и попробовать использовать косметику. Чтобы достойно отметить свои победы, император У внедрил разнообразные нововведения в порядок почитания правителя, достигающего высшей точки в роскошнейших религиозных ритуалах, известных в ханьском Китае под названием жертвоприношение *фэн* и *шань* на горе Тай. Во время выполнения этих обрядов император утверждал свою верховную власть над всем миром, сообщал высшим божествам о своих успехах и, как первый император, стремился увенчать свои мирские победы последним даром в виде бессмертия. На самом деле обретение земель и достижение бессмертия связывали самые тесные узы, ведь бессмертные существа обитали по краям земли или на вершинах гор, власть над которыми могла принадлежать одному только монарху, правящему всем миром.

Крупное землевладение и возрождение провинциальных амбиций (87 до н. э. – 88 н. э.)

Пока богатство и трудовые ресурсы государства Хань направлялись в сферу силовых территориальных приобретений, реальная угроза власти суверена над империей возникла из-за постепенного укрепления позиций крупных землевладельцев. В период правления императора У сановники стремились воплотить предоставленное на время богатство государственной должности в увековеченной надежности земельного надела. Китайские летописцы того времени начали обращать внимание на растущую пропасть между богатыми и нищими земледельцами. Несостоявшийся придворный чин Дун Чжуншу (ок. 179—104 до н. э.), считавшийся знаковой фигурой среди ученых конфуцианцев, называл причиной такого положения вещей введение при династии Цинь частной собственности на землю, позволявшей людям обеспеченным скупать участки земли у тех, кто оказался в затруднительном положении. В результате «богачи могли приобретать землю участком, в то время как беднякам не хватало ее для того, чтобы прокормить свои семьи»²⁰. Чтобы как-то противостоять такому сосредоточению землевладений, он выступал в пользу восстановления мифической сетевой системы одинаковых земельных участков «колодец—поле», описанной в философском трактате IV века до н. э. его автором Мэн-цзы.

Но вразрез с утверждениями Дун Чжуншу корни крупного землевладения лежат не в системе династии Цинь, а в мерах аграрной политики правителей Хань. Для ведения войн императору У требовались налоговые поступления, истощавшие скудные ресурсы земледельцев. Налоговое бремя утяжелялось практикой взимания подушного сбора в виде наличных денег. Когда собирался богатый урожай и стоимость зерна понижалась, чтобы выручить необходимую сумму, земледельцу приходилось продавать большую долю своего урожая. А в случае бедного урожая и подорожания зерна его на продажу оставалось совсем мало. Вынужденные занимать деньги, чтобы выполнить их обязательства, земледельцы все глубже влезали в долги, и в конечном счете им приходилось продать свой единственный актив – земельный надел.

Следующий пагубный аспект политики династии Хань тоже связан с расходами на войны. Император У назначил поимущественный налог, начислявшийся на общую стоимость имущества семьи. Сокрытие любой части состояния наказывалось отчуждением всей собственности, а доносчику причиталась доля от всего того, что переходило в ведение государства. Коммерческие материальные ценности облагались налогом по двойной ставке от налога на землю, поэтому торговцы пытались сохранить свое богатство через приобретение недвижимости. Чиновники старались перевести доходы от временного щедрого должностного оклада в постоянное богатство, они тоже скупали земельные наделы и скотные дворы. Так и получалось, что многочисленным земледельцам, разорившимся по вине своего правительства, приходилось продавать свою землю купцам и чиновникам, толкаемым тем же самым правительством на их покупку. В результате возникло вопиющее социальное неравенство.

Свою роль в сосредоточении крупных землевладений в одних руках сыграл еще и технический прогресс. Китайский земледelec, располагавший достаточными деньгами для приобретения железных орудий и плугов на воловьей тяге, мог возделывать больше земли, чем тот, кто полагался на деревянные орудия и свой собственный тяжелый труд. Более поздними нововведениями, когда на плуги на воловьей тяге устанавливали сеялки, а управлял ими единственный работник, усугубили разрыв в производительности труда между богатыми и бедными земледельцами. Даже на оборудование выложенных кирпичом колодцев, без которых полив в долине Желтой реки был невозможен, требовались значительные денежные средства. Владельцы капитала, достаточного для внедрения самой передовой техники, обрабатывали пло-

щади более обширные и получали урожай богаче, чем те, кто не мог этого себе позволить. Таким манером происходило дальнейшее сосредоточение богатства и земли в руках избранных, а не большинства трудового населения.

Такой сдвиг в сфере владения землей в конечном счете послужил прекращению практики переезда местных влиятельных семей в столичную область, прежде всего в города, связанные с захоронениями родственников императора. И первый император, и император династии Хань Гаоцзу сделали это, чтобы обуздать местных авторитетов, и такая практика еще шесть раз повторялась в Западной Хань. В 20 году до н. э. один придворный убедил императора предпринять попытку седьмого насильственного переселения: «Больше тридцати лет никто в империи не переезжал жить в города, связанные с императорскими гробницами. К востоку от перевалов растет число состоятельных людей, большинство которых предъявляет притязания на наиболее плодородные поля и заставляет местных бедняков себе прислуживать. Чтобы укрепить императорскую столицу и ослабить местное дворянство, его следует переселить в новую столицу. Тем самым к тому же станет проще уравнивать в правах богатых и бедных»²¹.

Притом что император данное предложение одобрил, выполнить его не получилось по той причине, что к этому времени великие семьи располагали властью, не уступающей власти двора. Это поражение, после которого правитель признал свою неспособность приказывать подданным оставить могилы своих собственных предков, чтобы ухаживать за гробницами императоров, послужило ярким символом смещения политического равновесия, сложившегося между двором и местными властями. Примерно в тот же самый период склепы усопших имперского происхождения, сооруженные во всех округах империи, подверглись запрету во имя бережливости и сыновнего благочестия: принуждение чиновников и местной знати делать подношения посторонним усопшим людям, которые не были их предками, шло наперекор главному принципу конфуцианской теории.

Еще одним признаком ослабления династического центра называют укрепляющийся контроль над двором со стороны родственников жен и наложниц императоров. Если император умирал молодым, вдовствующая императрица (его мать, связанная с императорской семьей только браком) выбирала не только его преемника, но также регента, а иногда и императорского наставника. Два последних должностных лица часто принадлежали семье вдовствующей императрицы. Мать императора Чэна (правил в 32—7 годах до н. э.) по имени Ван Чжэнцзюнь именно таким путем привела к власти своих братьев и племянников, когда ее сын и его два преемника – императоры Ай (находился на престоле с 6 по 1 год до н. э.) и Пинь (находился на престоле с 1 года до н. э. по 5 год н. э.) – умерли, не оставив наследников. Она делегировала все большие полномочия своему племяннику Ван Ману, которого дважды назначали регентом и который в конечном счете объявил себя полноправным императором. В 9 году он издал указ о прекращении династии Хань, а потом принял отречение последнего правителя династии Западная Хань.

Однако династия Синь ее основателя Ван Мана просуществовала всего лишь 17 лет. Проведший всю свою жизнь при дворе, вскормленный на косных фантазиях авторов «Чжоуских ритуалов» (*Чжоу-ли*) и других конфуцианских трактатов, он стремился провести радикальное восстановление умозрительных порядков Чжоу в том виде, в каком их излагали многочисленные ученые, жившие до него. Всю землю намечалось конфисковать и перераспределить равными наделами, а рабство и наемный труд отменить. Подобного рода реформе оказали такое яростное сопротивление, что через три года от ее продолжения пришлось отказаться. Тем не менее из-за враждебности, которая возникла среди великих семей, когда восставшие земледельцы бросили вызов власти Ван Мана, ведущие семьи восточной части Великой Китайской равнины присоединились к восстанию, свергли его династию Синь и помогли восхождению дальнего родственника по линии Лю на престол императора «восстановленной» династии Хань в новой восточной столице.

Изоляция Восточной Хань (25-168)

Во многих отношениях восстановленная династия Восточная Хань имела мало сходства со своим западным предшественником. Хотя при первых правителях этот факт в глаза не бросался, возрождение династии Хань ознаменовало победу местных влиятельных семей над центральным двором и последующее смещение власти из столицы в провинции. Действие фундаментальных институций, таких как всеобщая воинская повинность, упразднилось. Отказались и от каких-либо попыток ограничить наращивание земельной собственности. Император Гуану (правил в 25—57 годах) представлял девятое поколение Лю, самым близким августейшим родственником которого считался император третьего поколения династии Цзин, он сместил с престолов всех царей и заменил их своими близкими родственниками. Свое высокое положение в Восточной Хань сохранили меньше десяти основных родов Западной Хань.

Когда император Гаоцзу основал династию Западная Хань, самые высокие должности получили восемнадцать его главных последователей, но, как только они умерли, их семьи быстро пришли в упадок. Император Гуану, в отличие от него, принадлежал к роду крупных землевладельцев, и его возвышению помогали остальные крупные землевладельцы. После смерти этих мужчин их семьи продолжали удерживать власть в своих общинах и часто сохраняли за собой посты при дворе, ведь они пользовались укоренившимся авторитетом на местах и располагали значительными состояниями. Львиная доля истории Восточной Хань совпадает с историей союзов и расколов с местными политическими деятелями, такими как род Инь из Наньяна на территории современной Хэнани или род Ма из долины реки Вэй.

Возможно, еще большее значение принадлежит переносу столицы из области между перевалами в пойму реки Хуанхэ к востоку от перевала Хангу. Противоборство между этими двумя областями, где по большому счету определилась судьба Сражающихся царств и династии Цинь, оставалось решающим фактором становления династии Хань и ее правовой системы. Перемещение столицы из Чаньаня в Лоян представляло собой уход из области, обеспечивающей господство над соседями за счет выгодного стратегического положения и военной силы, в ту, которая обогнала всех в сфере литературных достижений и доходного производства товара. В результате случился не просто переход в период Западной Хань решающего политического влияния к крупным землевладельцам и торговцам, накопившим просторные угодья и огромные состояния, но к тому же еще и отказ от военных традиций области Цинь, а также утверждение первенства литературного и художественного воспитания.

Тогдашний перенос столицы в другой город послужил географическим фундаментом для «триумфа конфуцианства», и это словосочетание часто применялось для описания события интеллектуальной жизни во времена правления в Китае династии Хань. Авторы главных трудов по истории Восточной Хань и литературы рассуждали о преимуществах новой столицы, о связанных с ней обрядовыми преобразованиями, о прежней столице, по большому счету служившей сохранению традиций империи Цинь. Точно так же в трактатах Бань Гу конца I века проводится связь Западной Хань с династией Цинь эпохи насилия и варварства, а также восхваляется триумф культуры и обряда Восточной Хань.

Однако полностью от порядков Западной Хань избавиться не получилось, ведь правопреемственность новой династии уходила в глубь истории к родословной Лю. Этот факт всплывает в споре о том, кого следует считать предками основателя династии императора Туану. В самом начале своего правления он в Лояне соорудил алтари своим собственным предкам, то есть мужам, которые никогда не были не только императорами, но и не удостоивались пожалования княжеств. Когда по этому поводу поднялись шумные протесты с требованием очистить императорскую родословную, Туану перевез алтари из столицы поближе к своему старому дому в Наньян, расположенному по соседству южнее Лояна. На их месте он поклонялся

императорам седьмого и восьмого поколения Сюаню (правил в 74—49 годах до н. э.) и Юаню (правил в 49—33 годах до н. э.) как собственным отцу и деду. Таким способом он навязал подданным вымышленную семью, привитую к древу потомков последнего правителя Западной Хань, оставившего наследника, как восстановленную династию.

Во время правления первых трех императоров династии Восточная Хань в географии Китая случилось еще несколько изменений. Тогда как император Туану отказался от прежней наступательной стратегии в направлении северной границы, хунну продолжали частые набеги на китайскую территорию. На юг потянулся полноводный поток беженцев, из-за которого в конечном счете обширные области опустели, и властям пришлось упразднить сотни уездов. Правители Восточной Хань занялись переселением в эти заброшенные приграничные области кочевников и привлекать их мужчин для укомплектования конницы, использованной против хунну. В военном отношении такая политика себя оправдывала, однако одновременно она послужила стимулом для переселения тамошних коренных жителей на юг империи. Со 2 года по 140 год учтенное население на северо-западе Китая сократилось на 70 процентов, зато население на юге существенно увеличилось, в некоторых районах буквально в два раза. Несмотря на такое переселение народа, долина Янцзы и области южнее от нее оставались пограничными, причем практически все учтенное население там сосредоточилось в нескольких городских районах.

К началу заката династии Восточная Хань ученые уже оглядывались на периоды ее первых трех правителей как на золотой век. Начиная с императора Хэ (правил в 89—106 годах) двор все больше уходил в себя, отстраняясь от важных дел на границе и внутри империи. На границах в конце 80-х годов федерация хунну потерпела окончательное поражение, но вместо них точно такая же угроза стала исходить от прежних вассалов хунну – племен кочевников сяньби (сяньбэй). Эти кочевники получили крупные вознаграждения за уничтожение хунну, но, преуспев в этом деле, они лишились источника дохода. После этого сяньби пришлось отбирать средства к существованию у китайского населения силой. На западной границе кочевников цянов (кянов) поселили на рубежах империи Хань, чтобы восстановить трудовые ресурсы после бегства из этого района коренного населения. Жестокое обращение со стороны крупных ханьских землевладельцев и мандаринов стало причиной крупного восстания, поднятого цянами в 110 году. Вельможи двора Восточной Хань совсем не переживали по поводу проблем на далеком для них «варварском» западе и тут же решили сократить свои убытки, оставив сразу четыре провинции. Дома и урожаи зерновых культур китайцев, отказавшихся от переезда в другие районы, местные власти приказывали сжигать. Неудивительно, что большая часть возмущенных жителей пограничной полосы присоединилась к цянам, выступившим против ханьцев.

Тут к восстанию проявил самый живой интерес императорский двор, китайцам удалось вернуть часть уступленных территорий и на какое-то время восстановить военные колонии, но не надолго. К 168 году район города Ордоса и области, примыкающие к прежней столице, китайцы отдали соседям. В 137 году восстания к тому же разгорались на юге, но вместо отправки карательных экспедиций, войсками для которых двор уже не располагал, в районы мятежей отправились сановники, рассчитывающие соблазнить местных правителей обещаниями дворянских титулов. Такого рода мера оправдывала себя всего лишь на протяжении считанных лет, и в 140-х годах мятежники появились уже на юге и занялись убийством наместников во внутренних округах империи и осквернением императорских захоронений.

Итак, двор утратил контроль не только над подданными приграничных областей, но к тому же и над пограничными войсками. На протяжении всей истории Западной Хань и в I веке правления династии Восточная Хань полководцев назначали на время проведения той или иной военной кампании. Во II веке командующие пограничными отрядами оставались на своих постах на протяжении десятилетий. С Ханьским государством воинство их армий,

составленных из уголовников, кочевников и профессиональных солдат, сменивших рекрутов из земледельцев, ничего не связывало. Зато у них развилась мощная привязанность к своим непосредственным командирам, выдававшим им денежное содержание и представлявшим их меркантильные интересы при дворе. К завершающим десятилетиям Восточной Хань двор лишился возможности командовать императорскими армиями точно так же, как и управлять кочевниками, переселившимися на территорию империи.

Во внутренних областях дела империи складывались ненамного лучше. Из-за обнищания населения и головоутиательства чиновников двор утратил контроль над округами. С начала II века по мере истощения государственной казны придворные вельможи приказывали местным чиновникам самостоятельно заниматься наводнениями или другими стихийными бедствиями, но не предоставляли на это казенные средства. В 143 году оклады чиновникам урезали, и деньги на содержание двора стали занимать у князей и вельмож. Наместники повели себя как чуть ли не самостоятельные правители своих провинций. Они по собственной инициативе набирали в свои отряды солдат и проводили политику по собственному усмотрению.

Центральные власти, со своей стороны, все больше отдалялись от китайского общества из-за растущего влияния секретариата «внутреннего двора», сформированного из евнухов. Официальный государственный аппарат, укомплектованный представителями влиятельных кланов из провинций, которые обеспечивали основную связь между двором и обществом на местах, растерял всю свою власть. Такой раскол сыграл роль решающего фактора после того, как придворным запретили заниматься непосредственно делами по «великому запрету», введенному вслед за неудачной попыткой отстранения евнухов от власти силой. Автор трактата, принадлежавший к сословию крупных владельцев по имени Цуй Ши (умерший в 170 году), привел популярное высказывание, в котором суммируются последствия от утраты двором власти над местным обществом: «Распоряжения провинциальных и окружных правительств поступают как раскаты грома; императорские указы просто развешивают на заборах [как художественные украшения]»²².

Реакция местной знати на воцарившееся безвластие и неспособность императорского правительства справиться с ней поступила в виде ее объединения в целях самообороны. В районах, где преобладала власть влиятельных кланов и крупных землевладельцев, формировались собственные вооруженные отряды, состоявшие из арендаторов и свободных крестьян, живших по соседству. В областях, где крупного землевладения не образовалось (обычно в отставших отсталостью и нищетой районах), жители целых деревень под руководством старейшин переселялись в горы и строили там окруженные стенами поселения. Такого рода переселение народа вдохновило писателя IV века по имени Тао Юаньмин на сочинение повести «Персиковый источник» с описанием возникшего в скрытом от всех районе утопического общества всеобщего равноправия.

Милитаризм и раскол на отдельные области (169-220)

В конечном счете в ряде областей земледельцы и местные ученые занялись образованием религиозных сообществ с созданием вооруженных отрядов, очень часто люди в таких сообществах проповедовали пророческие догматы. Одно из крупнейших таких сообществ образовал Чжан Цзюэ, проповедовавший источник всех болезней в грехе, а путь избавления от них он указывал через покаяние признанием. Он пришел к выводу о наступившем вырождении рода, а его предназначение на земле состояло в том, чтобы под восходящими Желтыми небесами основать новую династию. Из своих последователей он сформировал вооруженные отряды и присвоил им собственные наименования.

Придворные сановники обнаружили последователей Чжан Цзюэ среди гвардейцев дворцовой стражи, но в 184 году известие и мятеже, вспыхнувшем в 16 округах, стало для них большой неожиданностью. Мятежники решительно сметали со своего пути вооруженные отряды наместников, захватили несколько городов и похитили попавших под руку князей. Отличительным знаком этих мятежников были желтые повязки, означавшие их принадлежность к новым Небесам. Мятеж остался в истории Китая как восстание Желтых повязок, подавленное в течение года, но только с помощью частных армий наиболее влиятельных китайских родов. Однако своим примером участники восстания Желтых повязок вдохновили подданных династии Хань на новые мятежи, не заставившие себя долго ждать. Самым мощным считается движение «Путь пяти мер риса», развернувшееся на территории Сычуани, где мятежники провозгласили независимую теократию даосов, просуществовавшую несколько десятков лет. К 188 году большая часть империи Хань распалась на несколько частей, оказавшихся под властью независимых от двора провинциальных правителей и местных авторитетов. Причем эти две категории правителей стали фактически неразличимыми.

В 189 году полководец пограничного войска с северо-запада Дун Чжо подошел со своими отрядами к Лояну на 112 км. Приглашенный в этот город чиновниками, перебившими евнухов, Дун Чжо захватил столицу и объявил малолетнего императора своим заложником. По большому счету не уверенный в своем положении на занятой им базе, Дун Чжо спалил восточную столицу Китая дотла и увез императора обратно в Чанъань. Мятежного воеводу убили на северо-западе в 192 году, молодого императора передавали от одного военного диктатора к другому, и империя распалась на восемь самостоятельных областей. Правитель одной области по имени Юань Шу в 197 году провозгласил себя императором, но его собственный народ за ним не пошел, и два года спустя он умер в нищете. Он потерпел неудачу потому, что император династии Хань при всем его нынешнем бессилии все еще считался олицетворением исчезнувшего единства страны, к которому стремились все тогдашние военные диктаторы, но никто из них навязать это единство другим так и не сподобился. До тех пор, пока один из претендентов не добился бесспорного превосходства, решающей фигурой на политической шахматной доске оставался последний император династии Хань.

Один из военных диктаторов по имени Цао Цао описал сложившуюся безнадёжную ситуацию следующим образом:

Я так долго не снимал доспехов, что в них завелись вши,
Ушли в небытие воины бесчисленных родов.
Поля усеяны белыми костями,
На тысячи *ли* не слышно даже крика петуха.
Выживает только один человек из ста,
Мысли обо всем этом раздирают меня изнутри²³.

В конечном счете Цао Цао взял на себя заботу об императоре, и двадцать с лишним лет он держал его при себе в качестве фактического узника. Притом что Цао Цао не отваживался на титул императора, он все-таки посягнул на принадлежность к императорскому роду, объявив себя в 216 году царем Вэй, хотя такое звание издавна принадлежало роду Лю. Тем не менее Цао Цао не удалось повторить подвиг первого императора, или Хань Гаоцзу, установившего свое прямое распоряжение землями и сельским населением. Так как практически вся территория империи находилась под контролем крупных землевладельцев, ему приходилось довольствоваться созданием военных колоний в областях, покинутых коренными жителями в результате войны и наводнения. Вотчины в пределах таких колоний выделялись беженцам, служившим в его войсках, или тем, кто вносил подати, то есть людям, фактически ставшим толковыми содержателями императорского дома. Таким образом, правительство перешло на содержание за счет государственных земель, обрабатываемых потомственными ратниками, насаждая свою власть только лишь в качестве самого крупного землевладельца, располагающего мощнейшим собственным войском.

Цао Цао силой оружия завладел долиной реки Хуанхэ и тем самым вновь присоединил север Китая. Однако его неудачная попытка распространения своей власти на долину Янцзы закончилась катастрофой: в сражении у Красного утеса его разгромил юный военный диктатор Сунь Цюань. Когда в 220 году последний император династии Хань наконец-то отрекся от престола в пользу сына Цао Цао по имени Цао Пи, оставалось только лишь три военных диктатора: Цао Пи на севере, Сунь Цюань в низовьях Янцзы и Лю Бэй в Сычуани. Каждый из них провозгласил себя императором – соответственно империй Вэй, У и Шу. С этого момента ведется отсчет периода китайской истории под названием Троецарствие. Потом прошли три сотни лет, на протяжении которых китайское государство, в период древних империй управлявшееся как единое целое, распалось на северные и южные области, разделенные долинами рек Хуанхэ и Янцзы.

Глава 2

Состав государства, предназначенного для ведения войны

Территориальные приобретения за счет соседей при династии Цинь и образование единой империи строились на фундаменте реформ, предложенных министром царства Вэй по имени Шан Ян после 359 года до н. э. Его радикальные бескомпромиссные преобразования военной и гражданской жизни при династии Цинь позаимствованы из опыта предков. Они уже проводились при династиях Ци и Цзинь, а также их преемников. Междоусобные войны между вельможами царства Чжоу, последовавшие за утратой монархией ее власти и переносом столицы на восток в 770 году до н. э., заставили правителей династий Ци и Цзинь увеличить размеры своих армий. Постепенно военная служба в этих царствах становилась уделом не только дворянства и их вассалов, но и всего населения столицы, а затем представителей определенных отраслей сельского населения. Шан Ян подверг методы предков необходимой подгонке под современность, чтобы земледельцев, проходивших военную службу, вознаграждать наделами земли, которыми семьи могли обрабатывать, внося положенный сбор. Одновременно вводились серьезные наказания за проступки, а также щедрое вознаграждение за достижения по службе.

С обнаружением в 1975 году в Шуйхуди тысячи с лишним бамбуковых дощечек с письмами времен правления династии Цинь появился обильный новый материал для исследования позднего периода существования этой династии в эпоху Сражающихся царств. Эти источники, однако, не повлияли на наши ключевые представления с точки зрения понимания реформ Шан Яна, какими их изложил на рубеже I века до н. э.

Сыма Цянь в своем трактате *Ши-цзи* («Исторические записки»): «Он распорядился разбить свой народ на группы по десять и пять человек, чтобы они следили друг за другом и отвечали за поведение друг друга. Любого, кто не сообщил о преступных действиях соседа, следовало разрубить пополам по талии, а тому, кто сообщит о таких действиях, полагалось такое же самое вознаграждение, как за отрубленную голову врага империи. С любым человеком, кто сознательно покрывал преступника, следовало обращаться как с предателем, сдавшимся врагу [его самого следовало казнить, а все имущество передать в собственность государства]. С семьи, где больше двоих взрослых мужчин, не поделивших домашнее хозяйство, причитается двойная военная подать. Те, кто отличился на военной службе, должны получать пропорциональное заслугам повышение разряда [по двадцатиразрядной шкале оценки всего населения]. Тяжесть наказания участникам бытовых ссор следует подбирать в соответствии со степенью общественной опасности их ссоры. Тех, кто посвятил себя фундаментальным предприятиям и посредством ведения на них своего аграрного хозяйства и изготовления текстильной продукции внес в общую копилку много зерна и ткани, следует освобождать [от налога и барщины]. А вот тех, кто работал ради побочного дохода [в торговле и ремеслах], и тех, кто прохлаждался или мирился с нищетой, следует обращать в рабство. Членов августейшей семьи, не удостоившихся военных заслуг, запрещается вносить в реестр [августейших] родственников... Для этих сфер он открыл *цянью*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.